

М.А. Кулькова
Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ ПАРЕМИЙ КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ РЕЧЕВЫХ АКТОВ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ)

Целью настоящей статьи является исследование вопросов универсальности и уникальности в средствах вербального отражения превентивной семантики в паремиологических конструкциях русского и немецкого языков с привлечением фреймового анализа.

Под паремиями, или паремиологическими конструкциями, автор настоящей статьи понимает самостоятельные высказывания безапелляционного характера, представляющие продукт многовековой народной рефлексии и направленные на моделирование человеческого поведения.

Понятие «фрейм», введенное в научный обиход американским ученым М.Минским применительно к области искусственного интеллекта, прочно закрепилось в современной лингвистике и является одним из ключевых понятий когнитивной лингвистики. Анализ научной литературы по данной проблематике позволяет охарактеризовать фрейм как «структуру данных для представления стереотипной ситуации» [6: 7], как «унифицированную схематизацию опыта» [8: 54], как «комплексное знание, заданное в форме стереотипных значимых ситуаций» [4: 187]. В.И. Карасик характеризует фрейм как хранящуюся в индивидуальной либо коллективной памяти значимую информацию, имеющую спиралевидные формы проявления [5: 128].

Согласно нашим представлениям, коммуникативно-прагматический фрейм, являясь одной из разновидностей концепта, формируется в виде комплексной многоуровневой структуры коммуникативного сознания, организующейся в соответствии с действующими в конкретном лингвокультурном обществе правилами речевого общения, нормами этикета и соответствующими ограничениями в сфере вербального и невербального поведения. При этом коммуникативное сознание отдельного представителя лингвокультурного общества «входит интегральной составной частью в когнитивное сознание нации, являясь компонентом общего когнитивного сознания народа» [7: 49].

В народных приметах (НП) семантика стимулирования деятельности в пределах коммуникативно-прагматического пространства фрейма «предостережение» может быть эксплицирована с помощью различных языковых средств, функцию «синтаксического каркаса» для которых выполняют простые и сложноподчиненные предложения с имплицитной формой перформатива.

В самом общем виде речевые акты (РА) предостережения, или превентивные предложения¹, выражают «предостережение против действий, которые либо не могут, либо не должны совершаться преднамеренно» [9: 213] и направлены на информирование о негативных последствиях каких-либо явлений, процессов, действий, либо на их предотвращение с целью предупредить неблагоприятные для человека ситуации (см. также [3: 268]). Ведущую роль в реализации РА предостережения играет фактор бенефактивности, с учетом которого рекомендуемый алгоритм действий представляется в интересах реципиента. Мотивационной основой речевого акта РА предостережения служит проявление заботы адресанта об адресате. Так, благодаря народной рефлексии в виде превентивных паремий в мягкой форме осуществлялась коррекция действий и поведения сельского жителя, развивая в нем качества осмотрительности и благоразумия.

Анализ превентивных высказываний как в русском, так и в немецком языках, позволяет выявить в структуре коммуникативной ситуации (КС) предостережения следующие компоненты:

- 1) бенефициатив²;
- 2) объект / явление / состояние / процесс, представляющий (ее) угрозу для бенефициатива;
- 3) причина возникновения угрозы для бенефициатива;
- 4) негативные последствия для бенефициатива в случае неустранения угрозы;
- 5) место разворачивания превентивной ситуации;
- 6) время разворачивания превентивной ситуации;
- 7) качество, выработка которого способствует предупреждению негативных последствий для бенефициатива.

Рассмотрим КС предостережения на примере приведенной выше приметы «*Землю согрело – не опоздай с посевом*» (Рыженков). В данном высказывании в качестве бенефициатива выступает сельский житель (1), заинтересованный в получении высокого урожая. Угрозу для бенефициатива представляет в данном случае неурожай (2), причиной которого может стать недостаточное количество времени для полноценного роста культурных растений (3). В случае неурожая может наступить голод, либо дефицит продовольственного питания (4), что крайне нежелательно для сельского жителя. В качестве места разворачивания превентивной ситуации выступает сельскохозяйственное угодье (5), время разворачивания события – весна (6). Данное

---

¹ Термин *превентивные предложения* был впервые введен в научный аппарат прагмалингвистики В.С. Храковским и А.П. Володиным [10].

² Термин *бенефициатив* мы используем вслед за В.В. Богдановым, который относит его «к семантеме одушевленного аргумента, выступающего в функции адресата, получателя или вообще того, в пользу или в ущерб кому совершается действие» (см. [1: 53]).

высказывание способствует выработке таких духовно-нравственных качеств, как пунктуальность, дисциплинированность, трудолюбие (7).

Превентивная семантика находит отражение в поговорках в виде различных способов представления повелительности – как прямого, так и косвенного. В первом случае мы имеем дело с категориальной, или прямой, императивностью³, реализующейся в языковом плане в виде императивных форм (глагол во 2-м л. ед. и мн. ч.), во втором случае речь идет о некатегориальной, или косвенной, императивности, отражающейся в виде неимперативных форм, используемых в условиях специального контекста в императивном значении.

Итак, прямым способом передачи значения предостережения служит отрицательная форма императива СВ. Инвариантное значение превентива заключено в смысловой формуле «Помня о последствиях А, не соверши действия В».

В немецком языке прямым средством выражения превентивной семантики также служит отрицательный императив: «*Gehst du im April bei Sonne aus, laß den Regenschirm nicht zu Haus*» (Schleer) – ‘В апреле, выйдя из дома в солнечную погоду, не забудь взять с собой зонт’. Однако в отличие от русского языка, в немецком языке выявление РА предостережения на основе аспектуальных характеристик глагола затруднено в связи с отсутствием категории вида как грамматической категории (см.[11: 168]). Таким образом, в немецком языке правильная интерпретация высказывания возможна лишь на основе анализа лексического наполнения предложения и контекстуального окружения.

Необходимо отметить, что случаи употребления прямой императивности в текстах русских и немецких НП отличаются крайне низкой частотностью. Таким образом, косвенные формы проявления императивности в сопоставляемых языках выступают основным средством репрезентации превентивной семантики в текстах НП. Специфика народной паремиологии в языковых способах представления и распределения побудительной модальности в различных прагматических концептах отражается в том, что предостережение как некатегоричный тип регулятивных высказываний «берет на себя» наименьшую иллокутивную нагрузку, используя в своем арсенале лишь наиболее деликатные средства побуждения к действию дескриптивного характера: перифраза, намек, ирония.

Вслед за А.В. Бондарко, мы различаем в рамках актуализации косвенной императивности (КИ) ее эксплицитную и имплицитную разновидности. Случаи имплицитной императивности превентивов представляют косвенные речевые акты (КРА), в которых императивный

---

³ Термины *категориальной (прямой) императивности* и *некатегориальной (косвенной) императивности* употребляются нами вслед за А.В. Бондарко (см. [2: 87]).

смысл присутствует лишь в косвенной форме и может быть вычленен в результате семантико-прагматической трансформации.

Например, в русской примете «*В новолуние порез или рана не скоро заживают*» (Грушко) имплицированный превентивный смысл <Не порежься! Не поранься!> в ситуации нереализованного факта распознается благодаря выявлению референтной ситуации с негативными для человека последствиями «Долгое заживление раны в случае ее возникновения в новолуние». Однако в ситуации реализованного факта при интерпретировании данного высказывания акцент смещается в другую сторону: <Терпи! Процесс заживления раны будет долгим>, либо интерпретатор останавливается на простой констатации факта. Таким образом, фактор ситуативности играет ведущую роль при интерпретации косвенного высказывания.

Инвентарь эксплицитных средств актуализации КИ в поговорках русского языка отличается многообразием лексико-морфологических средств и синтаксических конструкций. Превентивная семантика может проявлять себя на лексическом уровне разнообразно, начиная с употребления лексем с негативной оценочной семантикой «опасно», «плохой», «тяжелый» и заканчивая использованием аналитических конструкций типа «не советуют + инфинитив»: «*Лед ломается хрясно – ходить опасно*» (Рыженков), «*Гроза на Федора летнего – плохая уборка сена*» (Даль), «*Високосный год тяжелый, на людей и на скотину*» (Даль), «*После Ильина дня не советуют есть землянику, иначе будешь дремать*» (Грушко). Частотным индикатором превентивной ситуации выступает императив *береги* в русских поговорках, например: «*Трещит Варюха – береги нос и ухо!*» (Даль). В немецком языке отмечается использование императива *fürchte* ('бойся, остерегайся') в превентивных высказываниях: «*Solange der Kuckuck schreit, fürchte die Trockenheit*» (Грушко) – 'Пока кричит кукушка, бойся засухи'.

Имплицитные предостережения могут присутствовать и в подготовительных РА в приложениях имен, например: «*Январь-ломанос: береги свой нос*» (Рыженков), «*Федосеевы морозы-худосеи: сев поздний яровых будет*» (Рыженков). Подобный способ экспликации превентивной семантики свойственен только для русских поговорок и по праву может быть отнесен к специфичным чертам русской поговорочной системы.

В русских поговорках частотны случаи употребления индикативных форм глагола 2-го л. ед. ч. в предложениях со значением условия. Несмотря на свободное сочетание времен в указанных конструкциях, отмечается преимущественное употребление будущего времени в текстах НП. Например, «*Запоздаешь с севом – упустишь урожай*» (Грушко), «*Весной пролежишь – зимой с сумой побежишь*» (Мустаев), «*На Еремея непогода – всю зиму промаешься*» (Мустаев), «*Не уродится рожь – по миру пойдешь*» (Мустаев) и т.д.

В немецких поговорках популярны бессоюзные условные предложения, в которых настоящее время используется в значении будущего (Präsens futuralis): «*Säst du im März zu früh, ist's oft vergebene Müh'*» (Haddenbach) – ‘Посадишь слишком рано в марте – напрасно постараться’, «*Ist sehr rau der Hase, frierst du bald in der Nase*» (Binder) – ‘Если у зайца замечен толстый мех – скоро наступят холода (досл.: скоро у тебя будет мерзнуть нос)’.

Параллельно с положительными индикативами используются отрицательные формы индикатива с различной временной перспективой. Например, **наст. вр.:** «*Осенью землю не лелеешь – летом пожалеешь*» (Рыженков); **прош. вр.:** «*Не отсеялся до Афанаса – не поешь хлеба до спаса*» (Рыженков); **буд. вр.:** «*Из пустой соломы пшеницы не намолотишь*» (Рыженков).

Интерпретационный анализ предложений с императивной семантикой позволяет отнести к превентивным РА и высказывания, содержащие положительные императивные формы глагола 2-го л. ед.ч. От РА наказа данные высказывания отличаются употреблением предикатов в переносном значении в иронических, шуточных высказываниях: «*Дай волю осоту – и огурцов на белом свете не станет*» (Рыженков), «*В месяце апреле держи одежду ближе к телу*» (Рыженков).

Особой популярностью в текстах русских НП пользуется конструкция «Кто ... – тот ...» и ее модификации «кто ..., у того ...; кто ..., тому ... и т.д.»: «*Кто сеет овес с Егория (6 мая), тот убирает не зерно, а солому*» (Грушко), «*Кто на Папия (9 августа) работает, у того гроза спалит хлеб*» (Грушко), «*Кто в лесу поет и увидит ворона, тому наткнуться на волка*» (Грушко).

В немецком языке указанная конструкция (wer ..., der ...; wer ..., dem ...) также находит широкое применение в поговорках: «*Wer Hafer sät im Mai, der hat viel Spreu*» (Knauer) – ‘Кто сеет овес в мае, тот получит много шелухи’, «*Wer noch sät nach Sankt Vit (15. Juni), wird die Saat und Ernte quitt*» (Binder) – ‘Кто сеет после св. Вита (вар. – Фита) (15 июня), у того не будет урожая’, «*Wer im Winter keine Reusen flicht, kann im Sommer keinen Fischzug halten*» (Binder) – ‘Кто зимой не плетет верши, тот летом не сможет ловить рыбу сетями’.

Не менее популярны в русских превентивных поговорках условные конструкции «Если ..., то ...», являющиеся базовыми в языковых средствах оформления модуса прогнозирования в НП: «*Если при посеве подсолнуха сеятель ест семена, то высеваемые подсолнухи выключат воробы*» (Грушко), «*Если мужчина берет яйца из гнезда, то куры перестают нестись*» (Грушко), «*Если пчельник на первый Медовый Спас (14 августа) не заломает соты, соседские пчелы вытаскают у него весь мед*» (Грушко), «*Если в конце жатвы, зажиная последний сноп, люди будут болтать или ссориться, скотина зимой будет хворать и реветь*»

(Грушко), «Если охотнику перебежит дорогу заяц, то охота будет неудачной» (Грушко) и т.д.

В немецких поговорках зафиксированы похожие конструкции с квалификатором условной ситуации «wenn» и без него в высказываниях с перифрастическим изображением превентивной ситуации: «*Wenn im Juni der Schnitter nicht schwitzt, der Juli dem Bauern auch nichts mehr nutzt*» (Binder) – ‘Если в июне жнец не будет усердно работать, то июль ему не принесет пользы’, «*Ist der Winter warm, wird der Bauer arm*» (Knauer) – ‘Зима теплая – крестьянин не разживется’, «*Ist der Juli heiß und schwül, braucht der Bauer der Hände viel*» (Knauer) – ‘В июле жара и духота – у крестьянина горячая пора’, «*Treibst du auf schlechte Weid die Kuh, so verlierst du die Milch und den Mist dazu*» (Hauser) – ‘Выгоняешь корову на плохое пастбище – теряешь молоко и навоз’.

Таким образом, ведущую роль при интерпретационном анализе превентивов играет не столько рассмотрение формальных признаков превентивных высказываний, сколько ориентация на конситуацию, т.е. учет контекстуального окружения превентива, визуально-чувственного фона коммуникативной ситуации, а также возможностей частно-апперцепционной базы реципиента, представляющей его фоновые знания.

Литература:

1. Богданов, В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения [Текст] / В.В. Богданов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 204 с.
2. Бондарко, А.В. К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные ситуации [Текст] / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л.: ЛО «Наука», 1990. – С. 80-89.
3. Вежбицка, А. Речевые акты [Текст] / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 16. – Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 251-275.
4. Демьянков, В.З. Фрейм [Текст] / В.З. Демьянков // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996. С. 187–189.
5. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
6. Минский, М. Фреймы для представления знаний: Пер. с англ. [Текст] / М. Минский. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
7. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
8. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23. С. 52–92.
9. Храковский, В.С. Повелительность [Текст] / В.С. Храковский // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л.: ЛО «Наука», 1990. – С. 185-238.
10. Храковский, В.С. Семантика и типология императива: Русский императив [Текст] / В.С. Храковский, А.П. Володин. – Л.: ЛО «Наука», 1986. – 272 с.
11. Шендельс, Е.И. Грамматика немецкого языка [Текст] / Е.И. Шендельс. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1958. – 366 с.